

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 821.161.1.6(Платонов А. П.) ББК Ш33(2Рос=Рус)-8,4

Н. П. Хрящева, К. С. Когут
Екатеринбург, Россия

«Я ЛЮБЛЮ НАВСЕГДА»: «ПИСЬМА» А. П. ПЛАТОНОВА

(Платонов А. П. «...я прожил жизнь»: Письма. 1920–1950 гг. / Андрей Платонов; сост., вступ. статья, ком. Н. Корниенко и др. — Москва: Астрель, 2013. — 685, [3] с.)

Аннотация. Рецензия посвящена обзору вышедшей в 2013 году книги «Писем» А. П. Платонова (1920–1950 гг.) — осмыслению ее роли как в платоноведении, так и в культуре страны в целом.

Ключевые слова: Платонов, письма, любовь, творчество, судьба писателя, биография.

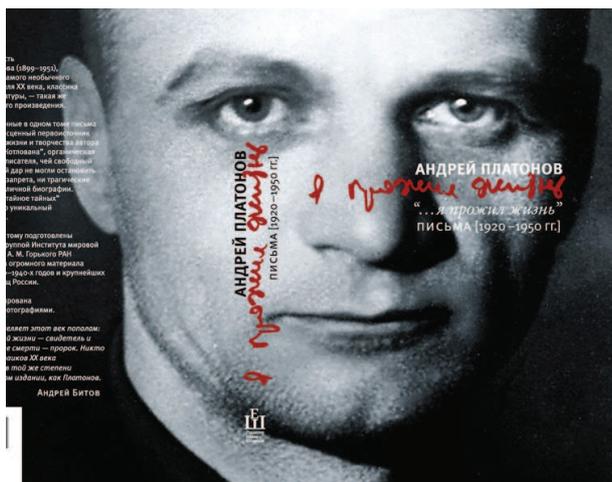
N. P. Hryashcheva, K. S. Kogut
Ekaterinburg, Russia

“I LOVE FOREVER”: A. P. PLATONOV’S “LETTERS”

(Platonov A. P. «...I lived life»: Letters. 1920–1950th / Andrey Platonov; comp., proclusion, comments by N. Kornienko et al. — Moscow: Astrel, 2013. — 685, [3] p.)

Abstract. Review devoted to a survey published in 2013 the book “Letters” by A. Platonov (1920–1950th) — understanding of its role in Platonov-science and in the culture of the country as a whole.

Keywords: Platonov, letters, love, creativity, the fate of the writer, biography.

«Письма» А. П. Платонова, вышедшие отдельным томом «...я прожил жизнь»: Письма. 1920–1950 гг.; сост., вступ. статья, ком. Н. Корниенко и др. — М.: Астрель, 2013. — 685 с. — событие не только в платоноведении, но и в культуре нашей страны в целом. Они позволяют по-новому понять, увидеть, оценить созданное Платоновым и одновременно являются документальным свидетельством эпохи. Написанные по самым разным поводам, адресованные разным людям, они поражают степенью одаренности писателя быть родственным миру во всех его проявлениях, тонко и чутко внимать всему, что совершается вокруг. Письма открывают подлинные размеры трагической «сшибки» мощного дара художника и «страшного времени», изощренно этот дар разрушавшего. Они позволяют читателю прикоснуться к «тайному тайных» — любви Андрея Платонова к Марии Александровне, жене и Музе.

Черты его облика, инженера, писателя, человека, собираются в письмах вокруг идеи Строительства. Несмотря на «кружение» «гибельных обстоятельств», почти неотступно преследовавших художника на разных этапах судьбы, он остается верен созидательным идеалам: в молодости вдохновенно строит плотины и электростанции, позже с не меньшим упорством строит свою писательскую и человеческую судьбу. Возможно, что именно этот дар и позволил Платонову увидеть подлинные масштабы разрушения, воплощенные им в своих вершинных творениях — «Чевенгуре» и «Котловане».

Разносторонность таланта Платонова, свидетельствующая о возрожденческом типе личности (В. А. Свительский), пронизывает и его Письма, создающие впечатление нескольких прожитых жизней. Одна из них связана с Воронежем — родным городом писателя. Отраженная в них работа совсем юного Платонова в качестве заведующего литературным отделом газеты «Красная деревня» создает полный доброжелательного внимания к рукописям своих корреспондентов образ Платонова-редактора. Вот несколько рекомендаций начинающим авторам.

15 июля 1920 г. Воронеж

Тов. Синяеву. ...В поэзии есть не только содержание, но и форма, но и музыка. В ваших стихах этого ма-

ло. Если будете думать и сильно работать, то многого достигнете [Платонов 2013: 76]¹.

2 августа 1920 г. Воронеж

Тов. А. Размогаеву. «Призыв» не стихотворение, а проза в рифмах. А такая проза все равно что конфеты с солью. Стих — высшая форма литература, не мешайте его ни с чем (76).

4 сентября 1920 г. Воронеж

Тов. Л. Якорину. Писать стоит каждому человеку — и вам. В присланных стихах есть хорошее... есть плохое... Плохого пока больше. Сильнее живите — лучше будете писать (82).

Главное в этих рекомендациях — отсутствие снисходительной интонации. Требования высоки, разговор серьезен и ведется «на равных». В стремление искренне помочь начинающим поэтам вплетается постоянный призыв «сильнее» работать и жить, что отвечает интенсивности творческого горения самого Платонова воронежского периода. Та же самая интонация серьезности, ясности и определенности звучит и в письмах самого Платонова в Госиздат РСФСР с просьбой напечатать его произведения.

Одновременно напряженную журналистскую работу Платонов совмещает со службой воронежским губернным мелиоратором:

Девятнадцатого <ноября> работы идут: <в> Богучарском <уезде> новых плотин 47, ремонт плотин 32, колодцев 2, пеших 2819, подвод 929. <В> Россошанском новых плотин 19, ремонт 27, пеших 641, подвод 243, <на> регулировании Осереды, Тихой Калитвы пеших 480, подвод 120. <В> Острогосском новых плотин 7, ремонт 8, срубовых 2, пеших 161, конных 42 (20 ноября 1924 г.) (141)

Платонов, не жалея сил, руководит мелиоративными работами в уездах Воронежской губернии. Письма позволяют почувствовать напряженность этой работы, прочертить круг общения Платонова, а также понять волновавшие писателя темы.

* * *

Тамбовские письма Платонова² составляют одну из самых впечатляющих страниц рецензируемого издания. Характеристика этого города в письмах удручающая:

¹ Далее текст цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.

² О причинах увольнения из Наркомата земледелия, куда Платонов был зачислен на должность инженера-гидротехника Отдела мелиорации решением приемно-аттестационной подкомиссии Наркомзема от 21 октября 1926 года см. в примечаниях к письму 101 жене от 10 декабря 1926 г. (Тамбов) [Платонов 2013: 171].

1. «Город живет старушечьей жизнью: шепчется, неприветлив» (10 декабря, 1926 г.) (170).

2. «...бессмысленно тяжело — нет никаких горизонтов, одна сухая трудная работа, длинный глухой «тамбов» (11 декабря, 1926 г.) (172).

3. «Похоже, что я перехожу в детские условия своей жизни: Ямская слобода, бедность, захолустье, керосиновая лампа» (13 декабря, 1926 г.) (175)

4. «...В моей комнате 4–6°... ночью невозможно спать от холода... Такого сволочного города я себе не представлял... В тюрьме гораздо легче... Хотя, может быть, это подготовка к тому большому страданию, которое меня ожидает в будущем» (4 января, 1927 г.) (183).

Но именно здесь, в «длинном глухом тамбове», рождаются «главные мысли», генерирующие, в конечном счете, творческие подходы Платонова к изображению действительности. Одна из таких «мыслей» — о религии: «Я думаю, что религия в какой-нибудь форме вновь проникнет в людей, потому что человек страстно ищет себе прочного утешения и не находит его в материальной жизни» (10 декабря, 1926 г.) (174). Вторая — о глубинном понимании истоков творчества. Делясь с женой впечатлениями от тяжелой поездки по уездам, Платонов пишет:

Скитаясь по захолустьям, я увидел такие грустные вещи, что не верил, что где-то существует роскошная Москва, искусство и пр<очее>. Но мне кажется — настоящее искусство, настоящая мысль только и могут рождаться в таком захолустье, а не в блестящей, но поверхностной Москве (13 февраля, 1927 г.) (214–215)

И именно здесь Платонов переживает свою «Болдинскую осень» (Н.В. Корниенко). Заканчивая «Эфирный тракт», Платонов напишет: «Пока во мне сердце, мозг и эта темная воля творчества — муза мне не изменит» (5–6 января, 1927 г.) (186). Он создает также повести «Епифанские шлюзы», «Город Градов», «Антисексус» и рассказы «Война», «Луговые мастера», обдумывает замысел «Ямской слободы». Колоссальный взрыв творческой энергии заставляет его признаться: «Я такую пропасть пишу, что у меня сейчас трясется рука <...> Работаю как механизм и очень утомлен» (30 января, 1927 г.) (207).

Писательский труд Платонов совмещает к тому же со службой тамбовским губмелиоратором. Он пробует «поставить работу на здоровые, ясные основания» и натывается на «огромное сопротивление». Но это его не останавливает, о чем свидетельствуют письма того же периода.

1. «В губзу (мои сослуживцы) меня ненавидят. Я сильно сокращаю штат. Денег нет на работы, а штат такой огромный, что пожирает всё <...> Лучше Сибирь, чем Тамбов... Допускаю возможность доносов и даже худшего. Но пока крушу и буду крушить всё

глупое, роскошное и нелепое костяной рукой. А там черт с ними, мне нечего терять. Хуже не будет» (8 января 1927 г.) (189).

2. «Сократил более 50 % своего штата... Остатки техников разбрасываю по деревенской глуши... Я многих оставил без работы, вероятно без куса хлеба. Но я действовал разумно и как чистый строитель... Я сильно оздоровил воздух. Меня здесь долго будут помнить как зверя и жестокого человека. А где ко мне относятся лучше? Кто заслужил иного от меня отношения?» (28 января 1927 г.) (204–205).

И все же, может быть, в наибольшей степени масштабность личности Платонова проявляет себя в письмах о любви. Любовь к Марии Александровне Кашинцевой переживает в них разные периоды. В раннем — письма 1921 года — любовное чувство облекается в литературные «одежды» — чужие (В. В. Розанов, «Люди лунного света») и свои — «Невозможное», «Душа мира».

Как хорошо не только любить тебя, но и верить в тебя как в бога (с больш <ой> буквы), но и иметь в тебе личную свою религию. Любовь, перейдя в религию, только сохранит себя от гибели и от времени. 1921 г. Воронеж (108).

Тамбовские же письма к Марии Александровне имеют иную тональность. Платонов в них мучится ревностью, терзается всякого рода подозрениями, теряет надежду на взаимность, доходит в этом иступлении до мысли о самоубийстве. И тут же, как это ни парадоксально выглядит, поднимается на «первозданную» высоту осмысления их любви.

«Мы прирожденные жених и невеста. Наша любовь была истинным и редким чудом. Многих ли ты знавала, кто любил так, как мы друг друга. Я даже не читал ничего подобного — так велико и губительно бывшее чувство (13 февраля 1926 г.) (216).

Он называет это чувство «истинным и редким чудом». Его основой является кристальная нравственная чистота: «...любовь есть также совесть. И она не позволит даже подумать об измене» (19 декабря 1926 г.) (179). Но такое чувство в равной степени «велико» и «губительно», ибо обрекает любящих на невероятное напряжение, жить которым могут лишь избранные. Переживаемое художником чувство и позволяет понять смысл созданного Платоновым в 1920-е годы.

Отсутствие тебя сказывается и на моей литературной работе. Но какая цена жене (или мужу), которая изменяет, но любим-то мы сердцем и кровью, а не мозгом. Мозг рассуждает, а сердце повелевает. И я ничего поделать не могу. И гипертрофия моей любви достигла чудовищности. Объективно это создает ценность человеку, а субъективно это канун самоубийства... Неужели человек — животное и моя ан-

тропоморфная выдумка — одно безумие? Мне тяжело, как замурованному в стене (8 января 1927 г.) (190).

«Диалектика» ума и сердца, о которой пишет Платонов Марии Александровне, в сочетании с «антропоморфной выдумкой» (наделение сознанием явлений неживой природы) и становится основанием для моделирования художником образа нового человека, воплощенного в героях-преобразователях повестей и рассказов 1920-х годов. А его неверие в свое счастье определит трагизм этих судеб.

«Герои «Лун<ных> изыск<аний>», «Эфирн<ого> тр<акта>» и «Епиф<аниских> шлюзов» — все гибнут, имея, однако, право и возможность на любовь очень высокого стиля и счастье бешеного напряжения. Невольно всюду я запечатлеваю тебя и себя, внося лишь детали...» (30 января 1927 г.) (209)

Платоновские герои — Петер Крейцкопф, отец и сын Михаил и Егор Кирпичниковы, Бертран Перри — гибнут вдаль от горячо любимых ими женщин. И все эти истории Платонов пишет кровью своего сердца.

В не меньшей степени потрясает читателя никогда не изменявшая Платонову нежная заботливость о жене и сыне. Каторжно трудясь, живя в нечеловеческих условиях, отказывая себе в самом необходимом, он делает все, порой невозможное, лишь бы ни в чем не нуждались его любимые «существа».

* * *

Московский период в письмах конца 1920-х годов отмечен устремленностью Платонова «выбраться на чистую, независимую воду жизни. Главное — независимую» (4 июня 1927 г.) (228). Но это оказывается невозможным! В 1929 году Платонов заканчивает свое главное творение — «Чевенгур». Роман не печатают. Писатель обращается за поддержкой к М. Горькому. Тот советует ему переделать часть романа в пьесу, говорит о Платонове с директором 2-го МХАТа, но театр отказывается от инсценировки «Чевенгура». Роман, как известно, будет опубликован только в 1986 году. Столь длительное непечатание ярче всего «подсвечивается» сегодня донесением ОГПУ от 13 января 1932 года, помещенным в примечаниях к письму Горького от 19 авг. 1929 года:

Роман «ЧИВИНГУР» <sic> настолько характерен, что его надлежало бы напечатать на ротаторе в 100 экземплярах и дать почитать нашим вождям — может быть, вплоть до т. Сталина и других. Это вещь редчайше острая и редчайше вредная. И мне почему-то кажется, что эта вещь еще может наделать скандалов. Лучше было бы купить эту вещь у автора и

законсервировать ее лет на десять. ПЛАТОНОВ, повторяю, неисправимо консервативен и человек чужой (265).

Столь же печальна и участь второго вершинного произведения Платонова — «Котлована». Истинные же причины запретов на публикацию определяются характером происходящего в стране, о чем свидетельствует судьба произведений художника, нечаянно пробившихся через цензурные препоны. Так, достаточно было коснуться сложившейся в стране системы отношений, и то лишь в притчевой форме (имеется в виду публикация рассказа «Усомнившийся Макар» в «Октябре» 1929 г., № 9), как художник попал под критический «обстрел». Рассказ был прочтен Сталиным, по указанию которого развернулась кампания критики: на страницах журналов «На литературном посту», «Октябрь» и чуть позже в газете «Правда», публикуется статья Л. Авербаха «О целостных масштабах и частных Макарах». Но эта кампания явилась лишь прелюдией к страшному скандалу, развернувшемуся после публикации «беднячкой» хроники «Впрок», которая сразу же попала на стол Сталина. В письме жене и сыну от 10 июня 1931 года Платонов напишет:

...для меня настали труднейшие времена. Так тяжело мне никогда не было. Притом я совершенно один. Все друзья — липа. Им я не нужен теперь (296).

Понимая, что данная критика грозит ему самым страшным — быть изгнанным с «литературной поверхности страны» (М. Чудакова), Платонов пишет письма-отречения, направляя их в редакции «Литературной газеты» и «Правды», 14 июня 1931 г.:

Я считаю глубоко ошибочной свою прошлую литературно-художественную деятельность. В результате воздействия на меня социалистической действительности, собственных усилий навстречу этой действительности и пролетарской критики я пришел к убеждению, что моя работа, несмотря на положительные субъективные намерения, объективно приносит вред (298).

Отчаянной попыткой вырваться из грозящего ему литературного небытия, пронизано письмо Платонова Сталину с просьбой дать указание на постановку пьесы «Высокое напряжение», помеченное сентябрем-октябрем 1932 г.:

Я вас прошу дать указание о постановке моей пьесы. ...Никто никогда теперь не решится опубликовать что-либо, написанное мною, поскольку существует убеждение, что Вы относитесь ко мне отрицательно. Только я один не думаю этого, потому что я отделил себя от «Впрока» и от других своих ошибочных произведений (327).

Особенно впечатляют семь писем с просьбой о помощи, адресованных Горькому. В письме от 23 мая 1933 г. — звучит отчаянный вопрос: «Могу ли я быть советским писателем или это объективно невозможно?» (332); в письме от 12 июля 1933 г. — слышится почти мольба: «Дело в том, что без вашей помощи и только вашей я ничего не смогу напечатать» (335); и наконец, в письме от 20 сентября 1933 г. — обрисовывается безвыходность своего положения: «Меня не печатают два с половиной года. Никто со мной не говорит теперь — в чем именно порочность моих сочинений? Так что я работаю, как в запертном сундуке. Если вы не считаете нужным поставить на мне крест, окажите мне содействие» (338–339).

На фоне этой «полосы отчуждения» (Л. Шубин), образовавшейся вокруг Платонова, больно смотреть на многочисленные фотографии советских писателей, которыми иллюстрирован том «Писем», — фотографии, на которых Платонова нет. Красноречива, к примеру, фотография двух лидеров пролетарской литературы — Горького и Авербаха, — мирно беседующих на скамеечке.

Письма к Горькому показывают, что сложившаяся в стране тоталитарная система «прорастает» чудовищной ситуацией в литературе: честное, непредвзятое, пронизанное могучим талантом Слово «о положении дел» оказывается «запертым», а гениальный художник — вычеркнутым из литературного процесса.

Но «темная воля к творчеству» и на этот раз окажется сильнее «гибельных обстоятельств». Спасительными для Платонова становятся поездки в составе писательских бригад в Туркмению (1934–35 гг.):

Дело свое — сбор материала — я сделал. Причем нашел — правда, в еле уловимой форме — фольклорную тему. Так же как когда-то Апулей нашел где-то в Азии тему Амура и Психеи. Не знаю, что еще у меня выйдет, — это сказка о Джальме (1 мая 1934 г. Ашхабад) (364).

Результатом этой поездки станет рождение двух платоновских шедевров — повести «Джан» и рассказа «Такыр». Эта поездка позволит Платонову и «яснее разглядеть» собратьев по перу: «Вот убогие люди!» (358).

* * *

Одной из «центральных тем» писем Платонова второй половины 1930-х годов вновь является любовь к жене.

Удивительно тяжело работать силой сердца, т. е. в литературе, когда само сердце неспокойно и тебя, которую я люблю навсегда (это не фраза), нет со

мною. Ты подозреваешь, что я люблю у тебя только тело. Это неверно. Верно то, что я люблю тебя вдвойне: тебя самое, т. е. твое существо человека, и тело как бы отдельно. Физическая привязанность моя к тебе сильна, но она лишь небольшая часть моего чувства (15 июня 1935 г. Москва) (381).

Здравствуй, Муся, Муза моих рукописей и сердца. Ты действительно моя муза во плоти <...> Дорогая Муза, — давай я тебя буду звать всегда этим именем, я нашел для тебя подходящее определение лишь на 14 году супружества <...> Извини меня за назойливость любовника, но вторая молодость моя, вторая весна далеко не кончилась <...> Она, может быть, лишь начинается, эта весна, и она причиняет сердцу такую жестокую боль, что ни работа, ни сон меня не берет <...> Ведь это смешно, — 35-летний человек терзается как юноша, у него трясутся руки, он не может справиться со своим воображением <...> Милая моя, помни о том, кто тебе предан будет до последнего дыхания, кто, может быть, и умрет из-за тебя, из-за этой странной, «старинной», вечной любви. Ни друг, ни работа, никто не заменит мне мою Музу, живую Музу, тебя, дорогая девочка <...> Все видят, что я нездоров <...> но трудно сказать громко всем: «Товарищи, я сильно болен оттого, что слишком сильно люблю свою жену и ее нет со мной. И эта болезнь труднее, мучительней чумы!» <...> Оттого и моя литературная муза печальная, что ее живое воплощение — ты — трудно мне достается (19 июня 1935 г. Москва) (382–383).

Муза моя <...> Если увидимся нескоро или не увидимся, то сохрани обо мне память навсегда. Я тебя любил и люблю всю кровью, ты для меня не только любима, ты — священна и чиста, какая бы ты не была в действительности (23 июня 1935 г. Москва) (388).

Эти письма принадлежат уже не пылкому юноше, а зрелому Платонову, который наконец-то находит истинное объяснение своей все возрастающей, невероятной, всепоглощающей и всепрощающей любви-страсти к Марии Александровне: она для него Муза. Потому в его сердце и творчестве она навсегда отделена от того несовершенства, которое было присуще ей как живой женщине, — она «священна и чиста».

В этом любовном чувстве гений Платонова проявлен столь же мощно, как и в его творениях. Так любил свою Беатриче Данте. После ее смерти «образ юной красавицы, полной любви и сожаления к тоскующему Данте, все более овладевал его сердцем. Далее мы узнаем о возврате поэта к бывлой любви, о его раскаянии, о чудесном видении, ему представшем. Беатриче является в тех кроваво-красных одеяниях, в которых он увидел ее впервые в детстве» [Голенищев-Кутузов 1971: 18, 19]. Такова и любовь Петрарки к Лауре. «Выйдя замуж, став женой и матерью, она, подобно Беатриче, с негодованием относилась к неустанно оказываемым ей

почестям. Немало сонетов запечатлело ее оскорбленную добродетель, высокомерное выражение ангельского лица, строгий взгляд ... Эта любовь пламенела в сердце Петрарки в течение двадцати лет, пока Лаура была жива, и, если верить стихам, никогда не угасала. Чуткая, стыдливая, полная смирения любовь к личности возвышенной, недостижимой ... любовь эта, раскрывшаяся в весну жизни и не увядшая ее осенью, казалась невероятной» [Парандовский 1990: 315].

Письма второй половины 1930-х годов являются также свидетельством работы писателя над романом «Путешествие из Ленинграда в Москву в 1937 году», рукопись которого не найдена до сих пор. Зимой 1937 г. он отправляется по маршруту Радищева из Ленинграда в Москву. Он видит себя окруженным простым народом, восхищается его терпением, трудолюбием, особую страницу составляют впечатления от колхозных ребятишек:

Мы едем по метелям. Приехали в Чудово. Ночуем в доме крестьянина. Лошади прошли 150 км от Л <енин> града и затомились Днем сегодня стояли в Любани, до этого проезжали Ушаки. Вижу много хорошего, героического в истинном смысле народа <...> Еду по сосновым и березовым лесам. Встречаются деревянные деревни, ребятишки идут в школу сквозь метель. Каждый день бывают случаи, встречи с людьми, когда необходимо помогать <...> Такие люди каким-то образом возвращают свой долг мне посредством хотя бы того, что я люблю их и питаю от них свою душу (25 февраля 1937 г. Станция Чудово) (421).

Эта поездка, наполненная до краев «ритмами» русского национального бытия: метелями, лошадыми, лесами, деревнями; встречами с многотерпеливыми русскими людьми и детьми-«ангелами» — эта поездка не заглушит странной тревоги, посетившей душу Платонова:

Много мешает моему здоровью какое-то тяжелое, необоснованное предчувствие, ожидание чего-то худого, что может случиться с тобою и Тошкой в Москве (27 февраля 1937 г. Великий Новгород) (423).

Предчувствие не обманет: «система» нанесет художнику злодейский удар — через 14 месяцев будет арестован несовершеннолетний сын писателя — Платон. Он окажется сосланным в сталинский ГУЛАГ, отправлен в Норильск за полярный круг. Только спустя 10 месяцев родители узнают, что случилось с ним. И вновь Платонов вступает в борьбу, теперь уже за судьбу сына: он пишет всем, кто может помочь. Эти письма поражают не только взволнованностью за жизнь Платона, но и пронзительной силой переживаемого художником горя:

И. А. Сацу, 30 августа 1938 г. Москва

...Больше всего я занят тем, что думаю — как бы помочь ему чем-нибудь, но не знаю чем. Сначала придумую, вижу, что хорошо, а потом передумаю и вижу, что я придумал глупость. И не знаю, что же делать дальше. Главное в том, что я знаю — именно теперь мне надо помочь Тошке (некому ему помочь, кроме меня, как ты знаешь)... (440)

Платоновские письма этой поры больно читать: чувство безысходности в них сменяется упорными поисками путей спасения. Художник пишет несколько писем Сталину:

Я обращаюсь к Вам, Иосиф Виссарионович, с отцовской просьбой. <...> Мне кажется, что плохо, если отказывается отец от сына или сын от отца, поэтому я от сына никогда не могу отказаться, я не в состоянии преодолеть своего естественного чувства к нему. Я считаю, что если сын мой виновен, то я, его отец, виновен вдвое, потому что не сумел его воспитать, и меня надо посадить в тюрьму и наказать, а сына освободить» (1938 г. Москва) (445–446).

Письма-прошения к Сталину — свидетельства редкого мужества художника. Он безоглядно отвергает главный лозунг эпохи «Сын за отца не отвечает», провозглашенный Сталиным. Продолжение этой схватки Гения и Злодея читатель найдет в творчестве Платонова. 1938 год — начало работы художника над пьесой «Голос отца», где будет развернута полемика на эту «закрытую» тему.

Одновременно Платонов постоянно пишет письма сыну. Понимая, какая участь выпала на долю Платона, он всеми силами пытается «зажечь» в нем надежду на освобождение.

Дело твое помаленьку продвигается. И по нашему мнению — успешно. Но только — медленно, и когда оно закончится, т. е. приведет к окончательному и положительному результату, — мы с матерью сказать сейчас не можем (24 июня, 1939 г.) (453).

* * *

После смерти Платона писатель уезжает на фронт. О своем участии в войне Платонов пишет удивительно скромно:

Здесь я много видел — и хорошего, и трудного. Смерть несколько раз близко проходила возле меня, но чаще она минует тебя столь быстро, что замечаешь ее тогда, когда она уже прошла. Трудно мне было в Курске. А в общем, я уже привык. Гораздо труднее всего — это тоска по сыну и желание увидеть тебя (1 июля 1943 г.) (537).

Война «спасает» Платонова от горя, в котором они оказались заключены вместе с женой. Уже не-

взирая на то, что он советский писатель, Платонов просит жену отслужить панихиду на могиле сына:

4/VII будет полтора года, как скончался Тоша. Это письмо придет позже 4-го июля. Ты, наверное, уже отслужишь панихиду на его могиле. Если почему-либо 4-го не будет панихиды, то отслужи ее позже, и я так же, как и 4-го июля, буду незримо, своею памятью стоять у его могилы и плакать по нем. Вечная память моему мученику-сыну, моему любимцу и учителю, как надо жить, страдать и не жаловаться (1 июля 1944 г.) (561).

На войне Платонову открывается русский народ: «Здесь для меня люди ближе, и я, склонный к привязанности, люблю здесь людей. Русский солдат для меня святыня, и здесь я вижу его непосредственно» (3 октября 1943 г.) (552). Свои открытия он описывает в военных рассказах и очерках. Внимание ко всему происходящему на фронте постоянно сопровождается воспоминаниями о сыне: «Здесь я ближе к нашему сыну; вот почему ... я люблю быть на фронте» (3 октября 1943 г.) (552). Общепризнанная трагедия совпала для Платонова с его личной бедой — отсюда невероятное напряжение как физических, так и душевных сил, ощущаемое при чтении писем.

* * *

Привлекает внимание превосходное издание платоновских «Писем». Обложка представляет собой одну большую фотографию писателя — он словно пристально смотрит на современного читателя из своего века. «...Я прожил жизнь» написано рукой самого Платонова, но не чернилами, а красным цветом — будто кровью. Не менее впечатляют и черные листы форзаца книги.

Дизайн издания рассчитан на широкую аудиторию: как на исследователей, профессионалов, так и на рядового читателя. На колонтитулах каждой страницы указывается год опубликованных на ней писем, что не позволяет потеряться в книге — в ней более 680 страниц. Для работы с письмами имеется не только содержание, но и именной указатель. Книга великолепно сверстана: благодаря хорошей работе со шрифтами визуально легко отличить примечание от письма. Кое-где приводятся отсканированные листы писем, не напечатанные, а написанные рукой самого Платонова. Их чтение создает отличный от напечатанных эстетический эффект.

Отдельного внимания заслуживают уникальные фотографии, бóльшая часть которых печатается впервые. Их последовательность в книге совпадает с хронологией самих писем. Снимки являются также своеобразным «комментарием» к письмам того или иного периода. Читателя поражает разница между молодым, энергичным Платоновым 1922 года и измученным болезнью художником 1948 года.

Созданием книги занималась Платоновская группа Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН во главе с профессиональным текстологом Н. В. Корниенко. Каждое письмо сопровождается подробным комментарием, который дается непосредственно за текстом письма (справка о первой публикации, источник, сведения об адресате, описание контекста и примечания).

ЛИТЕРАТУРА

Голенищев-Кутузов И. Н. Творчество Данте и мировая культура. — М.: Наука, 1971.

Парандовский Я. Алхимия слова, Петрарка, Король жизни. — М.: Правда, 1990.

Платонов А. П. «...я прожил жизнь»: Письма. 1920–1950 гг. — М.: Астрель, 2013.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Нина Петровна Хрящева — доктор филологических наук, профессор кафедры современной русской литературы Уральского государственного педагогического университета.

Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: ninaus@olympus.ru

Константин Сергеевич Когут — аспирант кафедры современной русской литературы Уральского государственного педагогического университета.

Адрес: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: kosfunpix@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Nina Petrovna Hryashcheva is a Doctor of Philology, Professor of Modern Russian Literature Department of the Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Konstantin Sergeevich Kogut is a Postgraduate student of Modern Russian Literature Department of the Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).